

АЛЬМАНАХ

ЦЕНТРА·ИССЛЕДОВАНИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ·КУЛЬТУРЫ

2014

Smolbny Санкт-Петербургский
национальный университет
экономики и финансов
Санкт-Петербург Издательство
Института
Гайдара

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Расков Данила Евгеньевич (СПбГУ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Кадочников Денис Валентинович (СПбГУ)

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Майдаченко Кира Георгиевна (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кудрин Алексей Леонидович (СПбГУ)

Нуреев Рустем Махмутович (НИУ ВШЭ)

Большик Вячеслав Витальевич (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Погребняк Александр Анатольевич (СПбГУ)

Розмаинский Иван Вадимович (СПбГУ)

Широкоград Леонид Дмитриевич (СПбГУ)

Арьо Кламер (Университет Эразма Роттердамского, Нидерланды)

Дейдра Макклоски (Университет Иллинойса в Чикаго, США)

Корректор Л. Агадулина

Дизайнер С. Зиновьев

В издании использованы

гарнитура Old Standard, дизайнер А. Крюков,

фрагмент картины: Б. Борщ, «Фонтанка», 1994 из коллекции

Музея современного искусства им. Дягилева СПбГУ (на обложке)

Издание осуществлено при содействии Фонда поддержки

либерального образования и лично Н. Д. Никулиной

Адрес редакции: ул. Галерная, 58-60, Санкт-Петербург,

190000 Россия,

тел. +7 812 320-07-29

teppanova@smolny.org

arteliberales.spbu.ru

ISBN 978-5-93255-407-4

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор» ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87. 142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1. Подписано в печать 10.12.2014. Тираж 500 экз.

Об альманахе

Центр исследований экономической культуры (ЦИЭК) факультета свободных искусств и наук СПбГУ занимается изучением взаимосвязи экономики и культуры, или, иными словами, взаимосвязи экономического устройства с политической, социальной и культурной средой. Центр принципиально не связывает себя с какой-либо одной, единственно верной методологией, но открыт к различным подходам. Среди важных задач центра — создание междисциплинарного диалога между экономистами, философами, социологами и историками разных направлений и взглядов.

Связь экономики и культуры предполагает включение в исследовательскую повестку дня следующих областей: критики ценностных оснований и неявных допущений современной экономической теории, достижений неортодоксальной экономической мысли (посткейнсианства, марксизма, институционализма), изучения экономики как гуманитарной дисциплины, роли культуры и ценностей в экономическом развитии, экономической культуры стран и регионов, взаимосвязи экономики и религии, экономики и искусства, философской и художественной рефлексии по поводу экономики.

Альманах — это открытая площадка для обсуждения данных вопросов. Его цель — пригласить к участию в дискуссии по осмыслению феномена экономической культуры представителей различных социальных и гуманитарных наук, а также донести до более широкой читательской аудитории материалы конференций, познакомиться с наиболее интересными обсуждениями в рамках регулярных семинаров «Экономика и культура» Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

Тематический выпуск

Экономическая культура: ценности и интересы

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редактора</i>	1
--	---

ДОКЛАДЫ¹

Макклоски Д. <i>Экономика с человеческим лицом, или гуманомика.</i>	7
Кламер А. <i>Культура имеет значение.</i>	13
Погребняк А. А. <i>Категории ценности и интереса: экономическое значение и философский смысл.</i>	20

СТАТЬИ

Экономическая социология и антропология

Юдин Г. Б. <i>Интерес и незаинтересованность: проблема антропологического приоритета</i>	33
Расков Д. Е. <i>Чистое и священное в ценностном восприятии и культуре потребления зарубежных староверов.</i>	50
Олейник А. Н. <i>Сбор, агрегирование и обработка качественных данных для исследований экономической культуры.</i>	71

1. Стенограмма пленарных выступлений на конференции «Экономическая культура: ценности и интересы» 25–26 апреля 2013 года, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербург, СПбГУ.

Экономическая политика

- Кадочников Д. В. *Политико-идеологические аргументы в дискуссиях о необходимости международной финансово-экономической координации в период между двумя мировыми войнами* 91
- Пушкина Д. Б. *Конфликтные минералы: кто получит золото Демократической Республики Конго?* 105
- Дубянский А. Н. *Проблема формирования ценностных ориентиров в кредитных отношениях в современной России* 124

Современный капитализм

- Розмаинский И. В. *Экономическая культура современного капитализма и глобальный кризис* . . 137
- Тарабанов А. Э. *Рынки искусства: информационная эффективность и предпринимательское творчество* 152
- Одинг Н. Ю. *Становление института собственности и управление государственной собственностью в России* 173

История мысли и экономическая история

- Заостровцев А. П. *Дуглас Норт о культуре и историческом развитии* 195
- Гущина В. Н. *Божественная концептосфера Уриана Оукса* 218
- Панченко Д. В. *Хозяйственный этос архаической Греции* 240

СЕМИНАР «ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА»

- Давтян О. В. (1949–2013). *Книжная обложка: Искусство? Идеология? Залог коммерческой эффективности?* . . 253
- Королёв А. В. *Искусство и рынок* 262

Экономика с человеческим лицом, или гуманомика

Д. МАККЛОСКИ

В докладе Макклоски ставится задача критически рассмотреть генезис того экономического порядка, который связывается с капитализмом и рынком. Основная идея состоит в том, что развитие страны и современный мир в целом стали богатыми не благодаря накоплению капитала, эксплуатации или развитию системы частных прав собственности, но благодаря распространению особых буржуазных добродетелей: предприимчивости и готовности создавать инновации, проверяемые рынком. Автор предлагает называть гуманомикой междисциплинарную область экономического знания, включающую в экономический дискурс вопросы добродетелей, этики и достоинств буржуа, которые игнорируются в рамках стандартных подходов, но без которых затруднительно объяснить богатство современного мира.

Макклоски Дейдра (deirdre2@uic.edu) — профессор экономической теории, истории, английского языка и коммуникаций Университета Иллинойса в Чикаго, США. Вначале Макклоски стала одним из самых авторитетных экономистов в области теории цен и британской экономической истории. Поворотным моментом стала книга 1985 года «Риторика экономической науки», в которой была сделана попытка поставить экономическую теорию в более широкие междисциплинарные рамки и подвергнуть ее критическому переосмыслению. В последние годы Макклоски работает над трехтомником о зарождении и развитии современного общества и экономического порядка. Первые два тома: «Добродетели буржуазии» (2006) и «Достоинство буржуазии» (2010) — уже вышли в свет. Как автор более двадцати книг и трехсот научных статей, Макклоски пользуется большим авторитетом.

JEL: O1, P00

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
рынок, экономическая история, буржуа, добродетели, инновации

Название нашей конференции — «Экономическая культура: ценности и интересы». И раз уж так получилось, что я выступаю последней, я попробую подытожить ее результаты одним словом. Это новое слово: «гуманомика».

Гуманомика — это экономика с человеческим лицом. В марксистской экономике людьми движет только здравый смысл и клас-

совый интерес. А я хотела бы предложить обсудить экономику, где мотивацию составляют человеческие добродетели и, увы, пороки. Говорить о гуманомике я начала до того, как придумала это слово, — в книге «Добродетели буржуазии. Этика в эпоху коммерции» (McCloskey, 2006). В ней я разрабатывала подход к добродетелям и порокам рыночного общества с точки зрения этики: в определенной степени приложила Аристотеля к экономике. Эта книга стала первым томом трилогии «Эра буржуазии», хотя первоначально я хотела сделать шесть томов.

Одна из задач первого тома — «Добродетели буржуазии» — показать, что это не противоречие в определении, а неотъемлемая часть экономического возвышения Запада. Экономисты постепенно начали признавать, что у рыночной экономики есть свои добродетели. Историки на примере квакеров или староверов это уже давно поняли. Действительно, разве то, что мы называем предприимчивостью, не является добродетелью наряду с благоразумием, мужеством или надеждой? Современный мир не есть продукт новых рынков и постоянных инноваций, но изменившегося отношения к ним. Вовсе не экономические факторы привели к сегодняшнему уровню благосостояния, но изменение вековых предрассудков в отношении буржуа. Почему добродетелями могут обладать лишь святые и воины? Необходимо переосмысление добродетелей в мире, в котором мы все стали буржуа.

В книге я защищаю инновации, проверенные рынком. Что это такое? Тут легче обратиться к примерам. Вот, например, микрофон — это инновация, проверенная рынком. Своим благополучием мы обязаны таким вещам, как этот микрофон. Моя трилогия — отчасти защита того, что называют капитализмом. Хотя мне совершенно не нравится слово «капитализм», это глупое слово. Гуманомика задает вопрос: можно ли быть добродетельным и при этом участвовать в создании инноваций, проверенных рынком? По-моему, да, можно. В книге эта точка зрения подробно аргументирована.

Во втором томе — «Достоинства буржуазии» (McCloskey, 2010) — делается попытка объяснить современный мир рынка и инноваций. Если мир теперь может быть добродетельным, то почему мы, как цивилизация, не могли прийти к этому раньше? При Иване Грозном, например. Или в Древнем Китае. Почему процесс появления добродетельного мира рынка и инноваций начался в XVII веке на севере и северо-западе Европы? В данной книге я возвращаюсь к старой теме своих изысканий о причине и существо промышленной революции. Если предельно коротко, то главным я считаю изменения в мировоззрении, которые произошли в Голландии и Британии. Изменения в риторике сыграли ключевую роль. Именно это сейчас мы наблюдаем в Индии и Китае. Третий том будет о происходящем у нас на глазах, в наше время.

Сегодня я буду говорить о том, что в мире компьютерщиков называется *killing app*, убийственное приложение. Так называют успешные компьютерные программы. Убийственное, потому что оно действительно работает. Мое объяснение того, почему мы богаты, — это убийственное приложение гуманомики. Чтобы понять, почему это так, необходимо осознать, что когда-то мы были очень бедны, а теперь — по историческим стандартам — мы все богаты. Вот мы сейчас во дворце Бобринских, но я смотрю на вас и понимаю, что большинство — потомки крестьян, если не в первом и втором поколении, то в третьем и четвертом. То же самое справедливо и относительно меня. Представителей дома Романовых в этой аудитории, по всей видимости, нет? Все мы — потомки бедняков.

В современном мире мы с легкостью пользуемся услугами медицины, которых не существовало еще век назад. Так, в XIX веке на мне можно было бы ставить крест, а теперь врачи обещают пробежки уже месяцев через 9–10. Теперь мы богаты настолько, что каждый из нас может позволить себе сделать дорогостоящую операцию.

В XIX веке средний доход на душу населения в день составлял 3 доллара. Некоторые по-прежнему живут на эту сумму, но процент их падает резко, как камень. В стране, подобной России, заработок составляет 70 долларов на душу населения. В США — 130 долларов. Количество и качество товаров улучшилось, медицина усовершенствовалась; экономика, окна, пол, двери — все стало лучше. Может быть, кроме живописи. А у норвежцев доход на душу населения вырос до 150 долларов. С этим великим фактом едва ли что-то сравнится, не правда ли? Даже слава Рима в его лучшие годы, без войн, потому что в Риме доход так качественно не рос, жизнь не менялась так кардинально, как это случилось при росте доходов в настоящее время.

Почему это произошло? Самый привычный ответ на этот вопрос дал благословенный Адам Смит, я преклоняюсь перед ним. Он говорил об аккумуляции капитала. Но накопление капитала не сработало. Возьмем, например, Голландию. Смит взглянул на нее из Англии через пролив и увидел, что там, по стандартам XVIII века, шло накопление капитала. А вот в Шотландии была лишь группа людей со скотом, а накопления капитала не происходило. Смит предположил, что несколько поколений жителей мира смогут вывести любую страну на уровень Голландии. А она, напоминая, в конце XVIII века была самым богатым государством. Так тема накопления капитала становится навязчивой идеей для экономистов. Они думают, что все про это понимают; во всяком случае им нравится сама идея — копить деньги.

Эксплуатация, прибавочная стоимость, доход растет как на дрожжах. Есть в этой истории нечто необычное: накопление

капитала происходит с древних времен. Люди всегда что-то собирали. Чем не накопление? В средневековой Европе урожаи ячменя и пшеницы были низкими, а вот в Китае и Центральной Америке выращивали рис и кукурузу. Они давали более высокий урожай по сравнению с пшеницей и ячменем. Но в Англии или России XIII века крестьяне сажали одно семечко, а получали 3 или 5 семечек. Средневековые крестьяне сохраняли огромный процент своего дохода. Когда смотришь на средневековые картины, на то, как крестьяне засеивают поля, то думаешь — какая растрата! Как они транжируют семена! Они же могли их есть, они могли накормить ими детей, но они вынуждены были сберегать семена. Все великие соборы, каналы, крепости — это примеры сбережения и растраты.

Итак, капитал растет сам собой; экономисты верят, что капитал порождает капитал. И все же это объяснение происхождения современной глобальной экономики мне не кажется удачным. Оно годилось бы, если бы так происходило везде и всегда с накоплением капитала. Но нет, такого не случается. Очевидно, этот взгляд ошибочен.

Когда начинается эксплуатация? В 1776 году? В 1848-м? В 1884-м? Перестаньте. Начальники эксплуатировали работников всегда. Если причина заключена в росте капитала, то почему современный мир не случился в Древнем Египте? У Макса Вебера есть привлекательная теория на этот счет, хотя он тоже ошибался, потому что считал главным стремлением человека больше работать и накапливать деньги. Тем временем люди по всему миру трудятся в поте лица, но и доллара не получают. Пора поговорить о свободе духа и чувстве собственного достоинства.

Итак, сбережения и труд не составляют сути современного мира. А что тогда? Инновации. Изобретения. Обернитесь — мы во дворце, в старом здании, но оно наполнено современными технологиями. Проекторы, микрофоны, окна, цемент — все чудеса современного мира, эти новые идеи, осуществленные в рыночном обществе. Инновации, проверенные рынком. Мой старый знакомый Дуглас Норт (нобелевский лауреат по экономике 1993 года) предложил свой вариант объяснений, связанный с правами собственности. По-моему, он тоже ошибается, думая, что права собственности и рынки — это нечто новое. Но его теория популярна среди интеллектуалов.

Россия, кстати, особый случай. Здесь говорят: помещик владеет рабами, но царь — помещиками. Получается, что и владельцы рабов были рабами. Даже в Пруссии было общество, в котором король подчинялся законам. Частная собственность оставалась частной собственностью. А теперь, например, во Франции современное правительство забирает 55% национального

дохода и тратит их на половину населения. Правительство является куда более эффективным тираном, нежели Петр I или Екатерина II.

Мое утверждение состоит в том, что накопление капитала не объясняет происходящее в современном мире. Накопление необходимо, да. Как кислород. Но если случится пожар, то странно говорить, что его причиной стал кислород. Причиной может быть человек, который сжег, к примеру, мою книгу.

Итак, что же стало причиной нашего богатства, если не накопление капитала? Мой ответ не нов, он есть у Вольтера, Монтескье и Смита. Мне кажется, это связано с уникальностью экономического подъема, который начался в Голландии и распространился далее. Он связан с повышением чувства собственного достоинства у простых людей и переживанием духа свободы у изобретателей. Вместо того чтобы контролировать экономику, люди стали уважать изобретателей. Откуда это повышение чувства собственного достоинства? Этому посвящен готовящийся третий том моей книги, который покажет, что будущее за гуманомикой.

Мы имеем дело с совпадением четырех «Р»: Ренессанс, Реформация, революция и переоценка ценностей (*reevaluation*). Как меня учил в Гарвардском университете известный экономист-историк Александр Гершенкрон, в России некоторые аспекты Реформации проявились у консервативных, на первый взгляд, староверов. Революционное движение тотально. Повсеместные революции происходили во Франции, в Османской империи, Китае, Индии. Достаточно вспомнить 80-летнее восстание голландцев против испанцев или тот факт, что при Николае I произошло 550 крестьянских восстаний.

И все же я пытаюсь доказать, что самим этим событиям нет объяснения. Дело не в генетике, не в культурных особенностях. Это случайное совпадение — результат реакции на события в XVI–XVIII веках в Северной Европе. Но эта реакция отличается от реакции на похожие процессы в Османской империи, Китае, Японии и России.

Для понимания экономики необходимо более внимательное изучение истории, философии, лингвистики, социологии, политики и других дисциплин. Именно возвращение экономических проблем в более широкий комплекс вопросов, связанных с развитием идей, трансформацией духа и ценностей, может приблизить нас к пониманию того, как возникла и по каким принципам развивается цивилизация, сделавшая нас богатыми. С сожалением надо признать, что стандартная экономическая теория, марксизм, институциональная экономическая теория оказались совершенно бессильны в этом вопросе. Будущее за гуманомикой.

ЛИТЕРАТУРА

12

Д. Макклоски

McCloskey D. The Rhetoric of Economics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.

McCloskey D. The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce. University of Chicago Press, 2006.

McCloskey D. Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World. University of Chicago Press, 2010.

ECONOMICS WITH HUMAN FACE OR HUMANOMICS

DEIDRE N. McCLOSKEY

Author's affiliation: University of Illinois at Chicago, USA

E-mail: deirdre2@uic.edu

McCloskey's paper aims at critically revealing the genesis of an economic order associated with the capitalism and the market. The key idea is that the developed countries and the contemporary world in whole became rich thanks to the spreading of bourgeois virtues—enterprise and the ability to create market-tested innovations, than thanks to the accumulation of capital, exploitation or the development of the system of private property rights. The author suggests calling the interdisciplinary field of the economic knowledge that includes the issues of virtues, ethics and dignity of bourgeois that are neglected in the framework of the standard approaches but without which it is quite difficult to understand the wealth of the modern world humanomics.

Key words: market, economic history, bourgeois, virtues, innovations.

JEL: O1, P00

Культура имеет значение

А. КЛАМЕР

Центральная идея доклада — обосновать необходимость исследовать то, что находится за «фасадом» экономики, обратиться к тому, что обуславливает именно так сложившуюся экономическую действительность. Такой обратной стороной экономики выступает культура, для анализа которой (в данном контексте) Кламер обращается к концепции общественных и культурных благ: фокус внимания смещается с традиционных логики рынка и управления на логику дома и общества.

JEL: Z1

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
*культурное благо,
экономическая цен-
ность, мотивы,
добродетели*

КЛАМЕР АРЬО занимает должность профессора экономики культуры в Университете Эразма Роттердамского в Роттердаме, Нидерланды, и является деканом Академии Вита (Academia Vitae). Одновременно с Макклоски именно Кламер поставил вопрос о том, что экономическую теорию полезно изучать как дискурсивную практику и риторiku. Наиболее удачным термином для такого угла зрения он считает «разговор» (conversation). В своих двух основных книгах — *Conversations with Economists* (1983) и *Speaking of Economics. How to get in the conversation* (2007) — предпринял попытку развить это положение. Книга 2007 года «Странная наука экономика: приглашение к разговору» в скором времени выйдет на русском языке в «Издательстве Института Гайдара».

Причина, по которой я сегодня здесь, — это желание встретиться с экономистами, которые интересуются культурой. Кроме того, я никогда не был в Петербурге. Вот представьте себя на моем месте, представьте, что вы впервые в Амстердаме. Что вы видите? Архитектуру, дизайн, людей и то, как они одеты. Вы видите разнообразные проявления культуры. Я вижу их в Петербурге — ваши уникальные каналы, мосты, памятники. Любой город всегда показывает себя гостям с культурной стороны. Культура — это то, что вы видите в первую очередь. Можно сказать, культура — фасад любого города.

Экономика изучает расположенное за фасадом. В этом смысле она похожа на физику — мы видим то, что внутри, а именно: как работают рынки и бизнес, как люди покупают и продают.

Экономисты, исследующие взаимовлияние экономики и культуры (*cultural economists*), задают вопрос: что находится за экономикой? За ценами, за продуктами, за товарами? Там — целый мир, состоящий из ценностей, добродетелей, из того, что является основой, что движет нами, еще важнее — делает нас людьми.

Экономисты, всерьез изучающие культуру, пытаются понять, что же такое жизнь. Она не только фасад: она глубоко укоренена в процессах, за фасадом происходящих. По причинам, связанным с культурой, что-то работает или не работает внутри системы.

Я убежден, что суть проблем с евро лежит в области культуры, а не в области финансов. Неудача евро связана с культурными различиями внутри Европы.

Если экономисты действительно интересуются тем, что движет людьми, то они прежде всего должны учитывать культурные факторы. Пока что это осознают единицы, да и сам я не сразу пришел к мыслям о важности экономики культуры.

Дело в том, что когда мы начинаем научную деятельность, то всегда задаем себе вопрос: участником какого дискурса или, как я называю, беседы я хочу быть (Klamer, 1983)? Когда я начинал, мне хотелось верить в модернистскую идею того, что мы можем решить все проблемы с помощью математики. И я присоединился к эконометристам. Позднее мне стали интересны финансово-валютные вопросы, и я присоединился к монетаристам. После я переехал в США, и мне захотелось понять, какое влияние оказывает культура на экономику, а значит, мне стал необходим диалог с теми, кто занимается экономической методологией. Вот тот путь, который я проделал до осознания необходимости изучения экономики в контексте культуры.

КАК КУЛЬТУРА ВЛИЯЕТ НА ЭКОНОМИКУ

Я буду писать на доске, и сейчас вы поймете зачем. Если «К» — это культура, а «Э» — экономика, то в классических учебниках между ними нет никакой связи. Тенденция изменилась в последние двадцать лет. То, что культура действительно влияет на экономику, во всяком случае больше не игнорируется. Например, издательство Всемирного банка недавно выпустило книгу «Культура имеет значение». Фокус размышлений авторов этого сборника — влияние людей искусства на экономику.

Понятие «экономика культуры» можно рассмотреть еще с одного ракурса — мы можем использовать экономические инструменты для изучения искусства. Цель такого подхода — понять, как функционирует искусство. И он может помочь в ответах на вопросы, например о том, какие именно секторы искусства особенно остро нуждаются в поддержке государства.

Я рассказал о том, как пришел к мыслям о важности экономики культуры. В последние годы я, если можно так выразиться, иду дальше и вглубь. Теперь культура кажется мне всеобщим контекстом, а экономика — всего лишь его частью.

И экономика — это инструмент и не более чем инструмент для производства чего-то более важного, чем в конечном счете является культура.

Ибо культура — это то, что создает нас, наши ценности.

Для того чтобы наполнить беседу о том, что экономика — часть культуры, а не ядро, вокруг которого вращается мир, необходимы новые концепции. Поэтому я назвал свою книгу «Поступать правильно». Что нужно мне, вам, менеджерам или политикам, чтобы правильно поступать? Это главный вопрос для каждого из нас, и получается, что экономика — это моральная наука, которая должна поддерживать людей в стремлении поступать правильно. Что значит «правильно»? Для начала мне хотелось бы заставить людей думать о ценности тех товаров, которые производятся.

Вот, к примеру, наша конференция «Экономическая культура: ценности и интересы». У нее есть экономическая сторона — мы все пришли сюда для чего-то, мы выбрали это мероприятие из других возможностей. Как можно использовать экономические концепции, чтобы объяснить этот наш выбор? Какая экономическая концепция применима к тому, что мы тут делаем? Я говорю, а вы слушаете. Мы находимся здесь, но товара для личного потребления не получаем. Мы создаем беседу. Таким случаям нет места в классической экономической теории. Что происходит во время беседы? Общение между людьми. Вы сможете дома рассказать, о чем мы тут говорили. Вы сможете рассказать о том, какие идеи пришли вам в голову во время разговора. Некоторые из вас будут вдохновлены и почувствуют, что стали лучше благодаря разговору. И вот тут-то и требуются новые концепции, чтобы объяснить, чего вы добились. Я предлагаю концепцию общественных благ и культурных благ.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ?

Общественные блага подходят для общественных ценностей. Вот, например, мы с Данилой Расковым, организатором конференции, познакомились вчера, и я сказал ему, как ценно для нас познакомиться, как ценна возможность вместе поработать. Никто не знает, что из этого получится, тем не менее у отношений есть ценность. Отношения — это общественное благо.

В стандартном экономическом учении индивиды общаются между собой для извлечения финансовой выгоды, я же говорю

о том, что отношения являются общественным благом для достижения общественных ценностей.

Экономическая ценность в таких случаях непредсказуема. И все же невозможно игнорировать тот факт, что мы находимся в постоянном поиске осмысленных идей. Вы пришли сюда в поисках идей, которые могут улучшить вашу работу, в поисках вдохновения. Эти идеи являются частью ваших культурных благ, вашего накопленного культурного капитала; этому процессу вы отдаете всю свою жизнь. Может быть, из нашей беседы получатся какие-то научные, символические ценности. Но суть одна: культурные блага производят культурные ценности, художественные или научные.

Если вы со мной согласны, то согласитесь и с тем, что нам нужно что-то большее, чем просто товары, купленные и проданные. Приобретение общественных и культурных благ происходит иначе, чем приобретение частных благ. Вы не сможете купить отношения. Я не покупал жену, хоть она и дорого стоит.

Невозможно купить идеи — и продать их тоже в чистом виде невозможно. Тогда как идеи становятся нашими? Мы должны быть вовлечены в процесс. Чтобы обмениваться идеями, нам обоим необходимо вкладываться. Производство научных и культурных благ — это постоянное вложение в них как со стороны их владельца, так и с приобретающей стороны.

Мне кажется, что подобное представление кое-что добавляет в стандартную идею о частных и общественных благах. С его помощью мы приобретаем новый взгляд на жизнь. Во всяком случае, так произошло со мной.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Я люблю задавать вопрос: что самое важное из того, что у вас есть? Что вы боитесь потерять больше всего? Как правило, в разных местах планеты люди отвечают по-разному. Часто говорят: «Мою семью» и «Моих друзей». Кто-то говорит о свободе, кто-то — о вере. Иной раз студентка скажет: «Мой айфон». Да, это звучит забавно. В любом случае это — интересный вопрос, ответы на который можно обобщить, и тогда получится, что самое важное — то, что вы не можете купить и продать. Я много думал об этом. Что находится за ширмой процесса покупки? Зачем мы покупаем машины или компьютеры? Мы покупаем не чтобы иметь, а для других целей. Это наш самый главный вопрос: зачем это пригодится? Во что мы на самом деле вкладываемся?

И это особенно важный вопрос в культурном дискурсе. Мы не можем сказать — для прибыли или чтоб больше народу пришло в музей или театр.

В нашей эпохе я вижу четыре измерения:

- Социальное или общественное. Мы покупаем, чтобы поддерживать важное для нас — семью и друзей. Ибо мы социальные животные, мы хотим быть частью социума.
- Потом, есть не только межличностные связи, но и общественные в более широком контексте. Измерение, в котором мы беспокоимся о цивилизации и обществе.
- Трансцендентальное измерение. Вера, истина, красота. Мы многое делаем ради этого. Стив Джобс, например, часто говорил о подобных своих целях.
- Личное измерение. Я, например, ищу мудрости. Вот такая моя цель. Кому-то важен профессионализм.

Если копать глубже, если заглянуть за экономику, пытаюсь понять, что стимулирует людей, становится понятно: те же мотивы стимулируют организации и структуры. Это не видно с первого взгляда, потому что мы зациклены на инструментарии, на инструментальном подходе.

В этот момент моих рассуждений люди обычно говорят: «Мутно, конкретизируй». И мне самому сложно, я стараюсь, но пока и сам не могу артикулировать четче.

ЧЕТЫРЕ ЛОГИКИ

Мы привыкли мыслить в рамках двух логик. Когда мы преподаем экономику, мы вызываем к логике рынка. Мы учим студентов распределению ресурсов, рассказываем о том, что оптимальный способ справиться с проблемами лежит в поле логики цен и товаров, в том, что они якобы видят за фасадом культуры. Экономисты видят рынок везде.

Но в 1930-е годы (в частности, в России — после революции) была обнаружена еще одна логика — логика управления. Основываясь на научных принципах, — в России, в СССР это происходило совсем радикально, — можно управлять всем, в том числе экономикой. Можно смоделировать экономику. Можно регулировать все с помощью программ, правил, ограничений, формул и механизмов. Сейчас логика управления продолжает доминировать во всем мире. Обратите внимание, если правительство не смогло решить проблемы, оно просто внедряет новые правила.

Но есть еще две логики, на мой взгляд куда более важные, но о них говорят мало. Во-первых, логика ойкаса.

Ойкос — греческое слово, означающее «дом». В этом ключе Аристотель рассуждал об экономике. Он рассматривал экономику с точки зрения людей, выстраивающих жизнь дома. Я больше всего времени провожу дома: у меня есть семья, друзья и т. д.

Я многое делаю ради того, чтобы поддерживать жизнь дома. Деньги, эмоциональное время я трачу дома. Я больше всего боюсь потерять дом. Такая логика, логика дома, для меня важнее всего остального, потому что вся моя экономическая деятельность направлена на поддержание дома. Я использую экономику и управление для поддержания моего дома.

Если мы не дома, то мы в обществе. Вот как сейчас. Еще одна логика — это логика общества. Социальные и культурные блага создаются нами здесь и сейчас, например, не в области управления или экономики. И получается, что эти две традиционные логики (управления и рыночной экономики) с точки зрения культуры — всего лишь подспорье для общественного. Все крутится вокруг социальных и культурных благ, которые имеют смысл. Для меня они составляют суть жизни. Мы должны думать о том, как работают эти логики дома и общества. Они работают на принципах взаимозависимости и взаимобмена.

Постепенно экономисты приходят к тому, насколько важны взаимоотношения между людьми. Например, финансовые рынки во многом держатся на рекомендациях и понимании того, у кого какая репутация. Кроме того, финансовый рынок основывается на разговорах и общении. Даже управление основано на отношениях. Я не преуменьшаю роль управления и рыночной экономики, но все-таки дело часто совсем не в них. Яркий пример — это евро. Дело не в плохом управлении, а в негативном отношении греков, испанцев, португальцев, которое, в свою очередь, провоцирует взаимное недовольство немцев и французов греками, испанцами и португальцами. Все заиклется на вопросах экономики и бюджетных дефицитах, игнорируя вопросы общества. Но в итоге мы увидим, что евро раздирал общественные вопросы. Что же такое евро? Евро возник не для того, чтобы поддерживать экономику. Он возник потому, что Миттеран заключил сделку и хотел выплачивать долги за Вторую мировую. То есть логика за введением евро стояла общественная, а не экономическая. Вот в чем, если вкратце, мой вызов экономистам.

Итак, я хотел показать вам, что происходит, если мы заглядываем за фасад экономики. Я надеюсь, что перевел вас в иную плоскость. Мне интересно понять, признаете ли вы возможности и шансы, которые появляются при внесении измерений и логики общества и дома в наш экономический дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

Klamer A., ed. *Conversations with economists: New Classical Economists and Opponents Speak Out on the Current Controversy in Macroeconomics*. Totowa: Rowman and Littlefield, 1983.

ARJO KLAMER

Author's affiliation: Erasmus University, the Netherlands

E-mail: klamer@eshcc.eur.nl

The main aim of the report is to prove that it is necessary to investigate what lies behind the facade of economics, to turn to what constitutes the just-so-formed economic reality. Such a reverse side of economics appears to be culture, for the analysis of which in this context Clamer turns to the concept of social and cultural goods: focus of view shifts from the traditional logic of market and management to the logic of home and society.

Key words: cultural good, economic value, motives, virtues.

JEL: Z 1

Категории ценности и интереса: экономическое значение и философский смысл

А. А. ПОГРЕБНЯК

JEL: B4

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
*ценность, интерес,
экономика, онто-
логия, тревога*

В докладе предпринята попытка философской и социально-критической рефлексии значений категорий «ценность» и «интерес», очевидно имеющих конститутивное значение для сферы экономических отношений. Гипотеза автора состоит в том, что для уяснения смысла этих категорий необходима их экзистенциально-онтологическая интерпретация, модель которой может быть найдена в философских разработках Мартина Хайдеггера и Жана Поля Сартра, а также в связанной с ними психоаналитической концепции Жака Лакана. В этом плане продуктивным представляется сопоставление категорий «ценность» и «интерес» с такими экзистенциальными феноменами, как «тревога» и «липкость». Правомочность данной интерпретации подтверждается обращением к экономической концепции Мишеля Аглиятта и Андре Орлеана, аксиоматические основания которой предполагают сходную с предложенной трактовку природы экономических отношений.

ПОГРЕБНЯК Александр Анатольевич (aapogrebnyak@gmail.com), кандидат экономических наук, доцент философского факультета и факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

Речь в докладе пойдет о «герменевтике» научных категорий, или об онтологических предпосылках экономического знания. В этом смысле можно только приветствовать направление работы Олега Игоревича Ананьина и его коллег, выпустивших в 2011 году сборник работ под общим названием «Онтологические предпосылки экономических теорий». Онтологическая проблематика связывается здесь с рефлексией ученого над отношением базовых категорий своей теории к «реальным» свойствам того «фрагмента» мира, видение которого как раз и задано системой данных категорий (иначе говоря, экономические теории являются онтологиями в той мере, в какой они выступают в роли «картин мира»). Необходимость такого рода рефлексии обосновывается интере-

сами самой теории: во-первых, восприимчивостью к новым проблемам и сюжетам; во-вторых, сохранением недвусмысленности как главного преимущества своего языка (Онтологические предпосылки, 2011. С. 9).

Однако интерес к онтологии не исчерпывается единственно потребностью в корректировке научного аппарата; это еще и критическое предприятие по уяснению границ экономической «картины мира» как специфической мировоззренческой установки, содержание которой не исчерпывается ни теорией, ни «искусством» экономики (максимами ее «здравого смысла»), но имеет своим источником фактическое истолкование человеком смысла своего бытия в мире (производимое, конечно же, в конкретно-исторической ситуации). Но здесь в основу осмысления должны быть положены те концепции и те интуиции, которые, как правило, располагаются вне поля зрения профессиональных экономистов (а то и сознательно или бессознательно выносятся за его границы), — истина ведь чаще всего является тем, от чего мы всячески открещиваемся. Именно с этой точки зрения предлагается взглянуть на категории «ценность» и «интерес».

Кристиан Лаваль в своей книге «Человек экономический: эссе о происхождении неолиберализма» дает краткую историю термина «интерес»: «Полисемия термина „интерес“ на самом деле заложена уже в латинских корнях и последующем его употреблении. Так, Кристиан Лаццери напоминает, что слово *interesse* происходит от субстантивированной формы латинского глагола *inter-esse*, который обладает пространственным значением и означает „быть посредине, находиться между“. Отсюда его употребление для обозначения различия между двумя отрезками времени, двумя предметами или событиями. От этого значения различия осуществляется переход к идее относительной значимости: „иметь интерес“ — значит приписывать чему-то некоторую значимость. К тому же это слово долго сохраняло тот аспект своего частного употребления, которым оно обладало в устах римских юристов, обозначая одновременно и денежную стоимость нанесенного истцу ущерба, и ту компенсацию, которую должник должен был выплатить в случае неуплаты платежа в установленные сроки. В конце концов, слово „интерес“ стало обозначать получаемую ростовщиком прибыль и в глазах официальной Церкви приобрело отчетливый негативный оттенок ростовщического процента, который стали отождествлять с разрушительным для общества корыстолюбием. Таким образом, интерес довольно давно стал одновременно обозначать и „возмещение убытков“, и „прибыль“. Во французском языке, согласно Л. Орнаги, слово сохраняло свое изначальное значение „возмещение убытков“ вплоть до XVI века. Только начиная с этого времени оно вновь обретает свое латинское значение „того, что